

Глава 22

Цзинчжэ никогда ни с кем не состоял в отношениях и не знал, как их строить.

Но, но... разве это нормально, когда тебя, едва высказав свои чувства, тут же прижимают к стволу дерева и целуют так, что язык отнимается?

— Тебе скоро нужно будет показаться людям, — прошептал Жун Цзю, — на губах не должно быть следов. А вот язык — другое дело.

Цзинчжэ был в смятении. Неужели это так?

Он жалобно всхлипнул, испугавшись.

Страх, что его поглотят целиком, заставил его крепче вцепиться в плечи Жун Цзю.

Что-то здесь не так.

Разве обычные люди так поступают? ...Больно...

В голове у Цзинчжэ всё смешалось. Он легко поддался на уговоры, и лишь когда Жун Цзю прокусил ему кончик языка, боль вернула его к реальности. Он напрягся всем телом, готовый разрыдаться, и только тогда Жун Цзю отпустил его.

Цзинчжэ в панике прижал руки ко рту.

Большим пальцем Жун Цзю стёр с уголка его губ капельку крови и неторопливо достал из-за пазухи платок.

— Вытереть тебе?

Цзинчжэ с подозрением посмотрел на него.

Но тот действительно отстранился.

Словно неразумный щенок, который помнит ласку, но забывает боль, Цзинчжэ снова попался на удочку, стоило Жун Цзю лишь немного скрыть свою тёмную сторону.

Какой же глупый.

Жун Цзю взял его за подбородок, слегка приподнял голову и принялся аккуратно вытирать губы.

Гладкий шёлк скользил по губам, отчего они, и без того алые, налились кровью ещё сильнее.

Цзинчжэ отшатнулся и пробормотал:

— Разве ты не говорил, что никто не должен заметить? Они так распухли, как это можно скрыть?

Жун Цзю, словно только сейчас заметив, удивлённо поднял бровь.

— Тогда я нанесу лекарство.

Он достал из-за пазухи нефритовую бутылочку.

Цзинчжэ узнал её, но не успел ничего сказать. Жун Цзю жестом велел ему сесть.

Он с сомнением подчинился. Жун Цзю опустился перед ним на одно колено и вылил из флакона немного жидкости.

Это лекарство отличалось от предыдущих. Оно было не густой мазью, а вязкой, похожей на мёд жидкостью с лёгким, свежим ароматом.

Если бы Жун Цзю не вылил её из нефритовой бутылочки, Цзинчжэ решил бы, что тот украл мёд на кухне.

Густая жидкость покрыла два пальца Жун Цзю, и он провёл ими по губам Цзинчжэ. Медовая влага заполнила все складочки и морщинки.

Цзинчжэ невольно откинулся назад, прижавшись спиной к твёрдому стволу дерева.

Странно...

Несмотря на нежность прикосновений, Цзинчжэ почувствовал какой-то зуд, зарождавшийся где-то глубоко внутри, от которого по телу разлилось непонятное тепло.

Пока он пытался разобраться в своих ощущениях, пальцы Жун Цзю уже проникли в его влажный, горячий рот.

Цзинчжэ в ужасе распахнул глаза.

— Мм-мх...

Пальцы прижали корень языка, не давая пошевелиться и вымолвить ни слова.

— Язык ведь тоже пострадал, — усмехнулся Жун Цзю, но от этой улыбки Цзинчжэ стало только страшнее. — Не бойся, лекарство сладкое, его можно есть.

Да разве в этом дело?!

Это, это...

Цзинчжэ попытался вытолкнуть пальцы языком, но мягкая плоть не могла противостоять силе.

Два пальца властно исследовали его рот, словно и вправду осматривали рану. Они безжалостно прошлись даже по самому основанию языка, надавив так, что, казалось, пронзили узкое горло.

Цзинчжэ не смог сдержать рвотный спазм, его лицо залилось краской.

Он вцепился в запястье Жун Цзю, пальцы свело судорогой в тщетной попытке остановить его.

Но сила Жун Цзю была несокрушима, и Цзинчжэ наконец заплакал.

Нижняя часть его лица была в полном беспорядке.

Чем беспомощнее он был, тем труднее мужчине было сдерживать свою яростную страсть. В его тёмных глазах горело странное пламя, готовое в любой момент испепелить всё дотла.

Он не хотел ломать Цзинчжэ.

Хотя и желал этого.

Когда сознание начало проясняться, Цзинчжэ обнаружил, что лежит головой на коленях Жун Цзю. Тот уже привёл его в порядок.

Даже припухлость на губах спала под действием лекарства, не оставив и следа.

Но Цзинчжэ всё ещё помнил то странное чувство... мучительное удушье, словно ему хотели

проткнуть горло, и зловещее возбуждение Жун Цзю.

Он резко сел и отпрянул.

Тяжесть мужского тела обрушилась на его спину, заключая в стальные объятия. Хотя Цзинчжэ не был маленького роста, Жун Цзю был настолько крупнее, что мог полностью скрыть его в своих объятиях.

Эта разница в силе и телосложении до сегодняшнего дня не вызывала у Цзинчжэ тревоги, но после всего, что произошло, он почувствовал, что... не может этого вынести.

— Ты не боишься... сломать меня? — сухо проговорил он.

Он не собирался убегать. Попавшись в ловушку, он смирился и лишь с опаской коснулся горла.

Что у него с горлом не так?

Сначала его чуть не задушили, теперь вот это. Что за странные пристрастия у Жун Цзю?

— Не сломаю, — в голосе Жун Цзю послышалась усмешка. — Я же тебя берегу.

Уши Цзинчжэ вспыхнули.

Жун Цзю прижался к нему сзади, его дыхание щекотало ухо, и даже воздух, казалось, задрожал.

Проклятье, Жун Цзю наверняка знает о его слабости.

Падкость на красоту до добра не доведёт.

Цзинчжэ надул губы.

В этот момент издали донёсся тихий зов:

— ...чжэ... Цзинчжэ... ты где спрятался?

Цзинчжэ взглянул на небо, и его лицо изменилось.

— Ох, мне пора за работу.

— Какую работу? — Жун Цзю обнял его ещё крепче.

— Нужно убрать несколько заброшенных дворцов, мне ещё утром сказали, — Цзинчжэ ловко извернулся в его объятиях, и тот наконец ослабил хватку.

Подхватив недоеденную булочку, Цзинчжэ сделал несколько шагов, но вдруг обернулся. Жун Цзю всё так же сидел под деревом. Поколебавшись, Цзинчжэ мелкими шажками вернулся.

Присел на корточки и тихо спросил:

— Когда мы увидимся в следующий раз?

Обычно Жун Цзю сам находил его, и ожидание не было мучительным. У Цзинчжэ всегда были свои дела, он не нуждался в постоянном внимании.

Но иногда, в свободные минуты, он думал о нём.

Теперь, когда они вроде как... пара, такой вопрос был уместен, верно?

Суровость во взгляде Жун Цзю смягчилась. Он поманил его к себе.

Цзинчжэ прислонился головой к его груди.

У него было смутное представление о границах, но стоило их пересечь, он становился немного навязчивым.

— Я буду приходить к тебе каждого пятого числа месяца.

***

— Что?! — громко воскликнул Минъюй, привлекая внимание Ую.

— О чём вы шепчетесь?

В Северных покоях все готовились ко сну.

Даже в покоях господ уже не было света. С наступлением ночи все рано ложились, не говоря уже о слугах.

— Иди-иди, — отмахнулся Минъюй, — мы с Цзинчжэ в уборную.

И, схватив переодевшегося Цзинчжэ, утащил его за собой.

— Цзинчжэ и Минъюй так дружны, — заметил Лидун.

Он теперь спал на кровати, которая раньше принадлежала Чаншоу. То ли Ую было тяжело, то ли он не ладил с Лидуном, но теперь он чаще проводил время с Цитум и Бацци.

Однако, когда Лидун заговорил, он не стал молчать.

— Да, они вместе сюда попали, вместе проходили обучение, вот и сдружились.

Цитуй, поправляя одеяло, пробормотал:

— Да какая разница, какие у них отношения. Давайте спать, завтра снова работать. —
Неизвестно, что взбрело в голову матушке Мин, но она велела им убрать все Северные покои.

Хотя это место и казалось заброшенным, строений здесь было немало.

Кроме жилых покоев, остальные комнаты всегда были заперты, а теперь их все нужно было открыть и вычистить. Дело нелёгкое.

Сегодня они убрали лишь треть, и густая пыль забивала лёгкие.

При мысли о завтрашней работе Цитуй раздражённо вздохнул.

Матушка Мин, право, не даёт покоя.

После его слов в комнате воцарилась тишина.

Лидун посидел на краю кровати, посмотрел в сторону двери, но так и не встал. Забравшись под одеяло, он лёг.

Снаружи Минъюй оттащил Цзинчжэ в безлюдное, уединённое место. Чтобы их разговор никто не подслушал, он даже обошёл окрестности и, только убедившись, что никого нет, вернулся и с силой ухватил Цзинчжэ за ухо.

— Ай! — вскрикнул тот. — Больно, Минъюй, полегче.

— Полегче? — хмыкнул Миньюй. — Да я бы тебе сейчас голову свернул.

Цзинчжэ надулся и замолчал.

В слабом свете луны Миньюй разглядел его лицо.

— Ты ещё и недоволен? Цзинчжэ, ты понимаешь, что творишь?

Миньюй догадался об их с Жун Цзю связи.

Это было смертельно опасно, и Цзинчжэ, даже ради блага друга, никогда бы не рассказал ему сам. Если бы всё раскрылось, Миньюй, зная правду, был бы обвинён в укрывательстве.

Но Миньюй слишком хорошо знал Цзинчжэ. Пусть тот и выглядел как обычно, но лёгкая улыбка, блеск в глазах и радость, затаившаяся в уголках бровей, — всё это кричало о том, что он влюбился.

— Зачем так грубо... — пробормотал Цзинчжэ, прикрывая лицо.

— А я неправ? Ты ведь запал на его внешность, так?

— А для чего человеку глаза, если не смотреть? — ответил Цзинчжэ, чувствуя свою неправоту.

Миньюй потянул его за ухо, словно хотел оторвать.

— Но как ты догадался?

Миньюй скривился. Если уж он понял, что Цзинчжэ влюбился, то догадаться, в кого, было несложно.

За все эти годы Цзинчжэ не то что не сближался, у него даже знакомых служанок было всего несколько. Если он не встретил кого-то в Управлении по надзору за дворцовыми залами, то оставались только те, с кем он общался раньше.

Миньюй не верил, что Цзинчжэ мог влюбиться в кого-то из Северных покоев. Значит, оставался только Жун Цзю.

Цзинчжэ восхищённо вздохнул. Как же он догадался?

Миньюй потерял дар речи.

Не время сейчас восхищаться! Иногда он совершенно не понимал, о чём думает Цзинчжэ.

— Не волнуйся за меня, я всё держу под контролем.

— Если бы держал, не связался бы с Жун Цзю, — Миньюй наконец отпустил его и покачал головой. — Ты ведь знаешь, что он опасен... — Помолчав, он добавил: — Наше положение... мы не ровня таким, как он.

Цзинчжэ — евнух, Жун Цзю — стражник. На первый взгляд, оба — слуги.

Но евнух — всегда низшее сословие, а стражник — это уже чиновник.

А чиновник не будет всю жизнь служить в страже.

Стражники, несущие службу при императоре, если и не из знатных семей, то уж точно из чиновничьих. Сейчас Жун Цзю увлёкся Цзинчжэ, может, в этом и есть доля искренности, но кто знает, что будет дальше?

Цзинчжэ не знал ни о семье Жун Цзю, ни о том, есть ли у него жена, ни о том, как долго продлятся эти отношения. Будущее было туманно, и это не могло не беспокоить Миньюя.

— Я всё это знаю, — опустил глаза Цзинчжэ.

Он, конечно, всё знал.

И то, о чём говорил Миньюй, и о более страшных последствиях.

Если что-то случится, Жун Цзю, возможно, отделается выговором, а Цзинчжэ... неминуемо лишится жизни.

— Миньюй, я хочу быть с ним, — тихо сказал он. — Он мне нравится, я без ума от него, но я никогда не думал о вечности.

Миньюй нахмурился, заметив, насколько спокоен его голос.

— Я говорю, что не стоит волноваться, потому что никогда не надеялся на долговечность, — Цзинчжэ вспомнил мучительное выражение лица Юнькуя и ещё твёрже покачал головой. — Сейчас он мне нравится, и я ему... наверное, тоже немного нравлюсь. Я просто хочу насладиться этим моментом. Если в будущем он пожалеет или женится, я сам с ним порву.

— Порвёшь? — с сомнением посмотрел на него Миньюй. — И тебе не будет жаль?

Цзинчжэ усмехнулся:

— Хоть немного-то верь в меня. — Даже сейчас, чтобы быть с Жун Цзю, ему приходилось прилагать немало усилий. Он знал, что это ненадолго.

В глубине души он чувствовал свою неполноценность, но не считал, что в этой ситуации он — жертва.

Даже если это ненадолго, он сам выбрал этот путь.

Когда придёт время, он сможет всё оборвать.

Он это понимал.

Услышав его слова, Миньюй смягчился. Он обнял Цзинчжэ за плечи и, скрежеща зубами, сказал:

— Наш Цзинчжэ так хорош. Если этот Жун Цзю его бросит, я этого так не оставлю.

Цзинчжэ горько усмехнулся. Он знал, что Миньюй говорит это, чтобы его подбодрить, и на душе стало теплее.

А что до будущего...

Будущее покажет.

Сейчас он хотел лишь наслаждаться настоящим.

Они поговорили ещё немного и вместе вернулись.

Лёжа в постели, Цзинчжэ, укрывшись одеялом, размышлял над словами Миньюя. Он потёр ухо — оно всё ещё горело и было красным, словно его вот-вот оторвут.

Он перевернулся на другой бок и пощупал свой тюфяк. На ощупь он был совершенно обычным.

Но Цзинчжэ прятал там кое-что.

Он очень осторожно, по крупицам, изучил всё, что оставила Цайжэнь Яо.

Её письма он уже прочёл.

Кроме писем от Чэнь Аня, было ещё одно, в котором она, судя по всему, пыталась предупредить кого-то об опасности, исходящей от Вдовствующей императрицы.

Но раз письмо осталось здесь, значит, оно не было отправлено.

Остальное — мешочек с остатками какого-то лекарства и вложенный в него медицинский отчёт из Императорской медицинской академии.

Остатки, должно быть, принесла сама Цайжэнь Яо.

Что это за лекарство, было неясно, но отчёт был написан другим почерком и касался Вдовствующей императрицы Цышэн.

Его украл Чэнь Ань.

В отчёте чётко указывалось... на одно лишнее лекарство.

Чтобы получить лекарство из императорской аптеки, требовалось предписание лекаря. И это лишнее лекарство было добавлено по приказу Вдовствующей императрицы.

Но лекарь не успел избавиться от отчёта, и часть его похитил Чэнь Ань.

Этого доказательства, конечно, было недостаточно, чтобы обвинить Вдовствующую императрицу.

Но чтобы посеять сомнения в душе покойного императора — вполне.

К тому же, у Цайжэнь Яо был ещё один свидетель.

Она помнила того лекаря в лицо. И он, по странному совпадению, скоропостижно скончался незадолго до смерти покойного императора.

Цзинчжэ навёл справки и убедился в этом. Всё сходилось.

Кроме этого, среди разрозненных вещей были деньги, оставленные Цайжэнь Яо, и толстая стопка бумаги.

Сначала Цзинчжэ подумал, что это новые письма, но, развернув, увидел, что они пусты.

Могла ли Цайжэнь Яо оставить в шкатулке бесполезную бумагу?

Цзинчжэ так не думал.

Но как он ни смотрел, это была обычная бумага. Может, она использовала какой-то особый способ, чтобы скрыть послание?

[Носитель желает завершить Задание 4?]

Система молчала уже давно, и её внезапное появление испугало Цзинчжэ, который уже почти заснул.

— Почему ты вдруг напомнила?

[У всех заданий есть срок выполнения.]

Система ответила как ни в чём не бывало.

Цзинчжэ опешил.

Почему ты раньше не сказала?!

Задание 4 касалось тайны Цайжэнь Яо. Цзинчжэ уже почти всё разгадал, кроме этой стопки бумаги...

Он чувствовал, что в ней что-то скрыто, но не решался действовать, боясь повредить хрупкие листы.

Если нужно ответить сейчас...

В чём заключалась тайна Цайжэнь Яо?

— Тайна смерти Вдовствующей императрицы Цышэн, её с Чэнь Анем действия и... — Цзинчжэ нахмурился и после паузы неуверенно добавил: — её чувство вины перед императором Цзинъюанем.

Это было связано и с неотправленным письмом, и, возможно, с той неразгаданной стопкой бумаги.

После его ответа система замолчала.

Он забеспокоился. Неужели ошибся?

И что за нелепое задание, у которого есть срок, о котором не сообщают... да ещё и ответ нужно давать самому!

Разве она не может определить это сама?

Эта система казалась хуже любого чудовища из сказок.

Пока Цзинчжэ мысленно её ругал, система наконец проскрипела:

[Поздравляю носителя. Зачёт. Задание 4 выполнено.]

Цзинчжэ не успел обрадоваться, что избежал наказания, как его укололо слово «зачёт».

— Всего лишь зачёт?

[Это уже очень хорошо, — утешила его система. — Задание было очень сложным, оно предназначалось для принца Жуя.]

Судя по предыдущим результатам, то, что Цзинчжэ справился, уже было неожиданно.

Цзинчжэ провёл рукой по лицу и тихо пробормотал:

— Ах ты, лгунья проклятая.

Хотя система и не говорила прямо, Цзинчжэ был уверен, что Задание 4 было скорректировано для него. А оказалось, оно всё ещё предназначалось для принца Жуя!

Впрочем, если подумать об истории Цайжэнь Яо, важность этого задания становилась очевидной.

Тайна, которую она хранила, могла опорочить Вдовствующую императрицу.

А принц Жуй, как её сын, стремящийся к трону, не мог позволить себе такого пятна на репутации.

Но, как бы то ни было, он впервые выполнил задание, и это не могло не радовать. Удовлетворённо улыбнувшись, он заснул.

Система тоже была довольна.

Хотя у неё и не было таких эмоций.

Но носитель наконец выполнил задание, и она смогла накопить немного энергии.

***

Расследование нападения на принца Жуя продолжалось, но безрезультатно.

Последние полмесяца принц не покидал своего поместья.

По слухам, он был так напуган, что заперся в своей резиденции, запретив кому-либо входить и выходить.

Но внутри поместья царил иная атмосфера.

После нападения в резиденции действительно царил хаос, но лишь один день. Затем порядок был восстановлен.

Внезапная атака императора Цзинъюаня стала для принца Жуя полной неожиданностью. В «прошлом» такого не случалось, и он, потеряв бдительность, потерпел поражение.

Теперь же он был настороже, и последующие два покушения прошли для него без последствий.

В главном дворе супруга принца только что ушла, оставив на столе чашу с лекарством, к которой принц ещё не притронулся.

Вошёл Чэнь Сюаньмин и поклонился:

— Ваше высочество, вы собираетесь... действовать раньше?

В его руке был зажат изменённый приказ принца.

Принц Жуй, бледный, но с лёгкой улыбкой на красивом лице, спокойно сказал:

— Садись.

Чэнь Сюаньмин без церемоний сел.

— Господин Чэнь, как вы думаете, Его Величество на этот раз разгадал мой замысел?

Чэнь Сюаньмин задумался, затем кивнул и покачал головой.

— Покойный император благоволил вам, и многие об этом знали. Даже если сейчас вы не помышляете о троне, тот, кто наверху, не ослабит бдительности. Но одно дело — подозревать вас в притязаниях на трон, и совсем другое — в заговоре... Я не думаю, что император раскрыл ваши приготовления.

Даже дурак не поверит, что принц Жуй смирился.

Но смириться и готовить мятеж — разные вещи.

Принц Жуй думал так же.

Благодаря воспоминаниям из «прошлого», он действовал очень скрытно. О многом он не говорил даже Вдовствующей императрице, боясь, что она ему помешает.

И, как оказалось, был прав.

— Его Величество нанёс удар по мне, скорее всего, чтобы предупредить Вдовствующую императрицу, — сказал принц.

Взгляд Чэнь Сюаньмина стал серьёзным.

— Ваше высочество, пока великое дело не свершилось, Её величество должна проявлять терпение.

Принц Жуй сжал виски и вздохнул.

— Некоторые вещи, сказанные мной, сыном, матушка может и не услышать. Я уже попросил старую госпожу Хуан навестить её во дворце.

Услышав имя старой госпожи Хуан, Чэнь Сюаньмин кивнул.

Эта дама была известна в столице.

Её суровый нрав был общеизвестен, а в воспитании детей и внуков она была беспощадна. Если

в этом мире и был человек, к которому Вдовствующая императрица прислушивалась, то это была её мать.

Какими бы ни были мотивы императора Цзинъюаня, его действия ослабили позиции принца Жуя в столице.

Но, к счастью, не затронули основы.

Иначе к чему было это возвращение в прошлое?

— Разошлите людей, — приказал принц Жуй. — Проверьте все места, где мы планировали закрепиться. Больше ошибок быть не должно. Лучше действовать медленнее, но не допустить утечки.

— Но та пропавшая партия мастеров... — с сомнением произнёс Чэнь Сюаньмин.

Ведь все они были специально отобраны, и вдруг исчезли.

Неужели император Цзинъюань ничего не знает?

— На самом деле... — понизил голос принц Жуй, — их никто не похищал.

Чэнь Сюаньмин всё понял. Действовал сам принц.

Воспользовавшись суматохой, он переправил мастеров туда, куда и планировал.

Очевидно, он не хотел, чтобы об этом знали многие. А значит, каковы были истинные потери в том происшествии, оставалось только догадываться.

Как и говорил принц, через два дня старая госпожа Хуан была принята Вдовствующей императрицей.

О чём они говорили во дворце Шоукан, осталось тайной, но по словам, переданным от неё, принц Жуй успокоился.

Семья Хуан всегда поддерживала его, не создавая проблем.

Но этот случай заставил принца быть осторожнее.

После его возвращения многое изменилось, а значит, нельзя было полностью полагаться на

воспоминания.

Иначе какой смысл в этом втором шансе?

***

Лето было в самом разгаре. Жара, непрерывное стрекотание цикад — всё это действовало на нервы. Люди становились раздражительнее, и любая мелочь могла привести к ссоре. За последние два дня Цзинчжэ уже несколько раз слышал о перепалках.

Об этом ему рассказывали Гушэн и Шиэнь.

И ещё Юнькуй.

Он тоже стал причиной сплетен.

Юнькуй где-то провинился, и его наставник так его наказал, что он до сих пор не может встать с кровати.

После обеда к Цзинчжэ прибежал Хуэйпин.

— Цзинчжэ, Юнькуй просил тебя зайти, у него дело.

Цзинчжэ нахмурился. У него было предчувствие.

Это связано с той служанкой, которую он видел.

Он не хотел идти и нашёл предлог, чтобы отказаться. Но на следующий день Юнькуй, хромя, пришёл сам.

Им пришлось уединиться в его тайном месте.

— Твой наставник избил тебя, чтобы ты одумался, а ты всё равно ищешь меня... Не боишься последствий? — спросил Цзинчжэ, глядя, как тот, обливаясь потом от боли, всё же пришёл.

— В конце этого месяца она покидает дворец, — с отчаянием сказал Юнькуй.

Июнь подходил к концу.

В июле должны были прибыть новые девушки.

— И что? — резко оборвал его Цзинчжэ. — Она уйдёт, а ты? Раз всё так, на что ты ещё надеешься?

Да, то, что служанка уходит, означало, что их связь останется тайной.

Но это также означало, что они больше никогда не увидятся.

Разве те, кто покинул дворец, могут поддерживать связь с теми, кто остался?

— Я всё продумал, — взмолился Юнькуй. — Я постараюсь перевестись в закупки. Если получится, я смогу её видеть. Цзинчжэ, прошу, помоги мне в последний раз. Сходи к ней, передай мои слова, хорошо?

Юнькуй хотел пойти сам, но наставник не только избил его, но и приставил к нему надсмотрщиков из Управления.

Он не мог сбежать.

— Но ты же пришёл ко мне. Неужели твой наставник не догадывается о твоих намерениях?

Юнькуй замолчал. Он и сам это понимал.

Но не мог смириться.

— Я не стану тебе помогать, — вздохнул Цзинчжэ. — Я ещё не числюсь в Управлении. Если твой наставник захочет со мной расправиться, ему это ничего не стоит. Но если ты действительно хочешь рискнуть, я найду того, кто тебе поможет. — Он посмотрел в сияющие глаза Юнькуя и предупредил: — Но я не гарантирую успеха, не гарантирую, что ты её увидишь, и никаких писем или подарков. Подумай, есть ли что-то простое, что она поймёт без лишних слов.

Юнькуй долго думал и наконец сказал Цзинчжэ одну фразу.

После чего Цзинчжэ безжалостно вытряс из него все деньги.

Чтобы просить о помощи, нужны средства.

Он обратился к Чжэн Хуну.

Тот был парнем сообразительным и, услышав, что нужно найти служанку, что-то заподозрил.

— Смотри, не вляпайся, — сказал он, ковыряя в зубах. — Если дело хлопотное, я не возьмусь.

— Просто передать одну фразу. Никаких вещей, никаких писем, никаких следов.

Чжэн Хун взвесил все за и против, посмотрел на деньги, которые принёс Цзинчжэ, и всё же согласился.

Он сработал быстро. На следующий день после того, как взял деньги, он принёс ответ.

Всего три слова.

«Хочу увидеть море».

Цзинчжэ не стал вникать в смысл и просто передал их Юнькую.

Тот всё ещё лежал в постели, не в силах встать от боли.

Из-за попытки побега рана на его ягодицах снова открылась. Но, услышав слова Цзинчжэ, он разрыдался так, что сопли потекли по лицу. Зрелище было не из приятных. Его плач был таким громким, что даже проходивший мимо Шиэнь заглянул в комнату.

— Ого, что это с ним? Чего ревёт?

— От боли, — спокойно ответил Цзинчжэ.

Юнькуй просил передать, что хочет взобраться на гору, а служанка ответила, что хочет увидеть море. Судя по реакции Юнькуя, она согласилась.

Цзинчжэ больше не хотел в это ввязываться и утащил Шиэня за собой.

— Что за тайны у вас? — спросил Шиэнь.

— Хочешь узнать, за что его избили? — Цзинчжэ сразу раскусил его.

Шиэнь усмехнулся.

— Ну да, его наставник ведь так его любит.

Наставника Юнькуя звали Цзян Цзиньмин. Юнькуй и вправду был неплохим парнем, раз наставник, несмотря на все его проступки, так о нём заботился.

Цзинчжэ невольно вспомнил о заботливом Минъюе.

И его ухо снова заболело.

И дышать стало труднее.

Впрочем, кто он такой, чтобы осуждать Юнькуя?

Как и обещал Жун Цзю, каждого пятого числа он приходил к нему.

Время было разным: иногда днём, иногда после обеда. Однажды Цзинчжэ уже засыпал, как увидел его силуэт на стене.

На стене!

Цзинчжэ испугался и, стоя у подножия, замахал руками, чтобы тот спустился.

Жун Цзю легко спрыгнул вниз, даже не запыхавшись.

— Я уж думал, ты сегодня не придёшь.

От Жун Цзю пахло знакомым, слабым запахом крови. Цзинчжэ с тревогой осмотрел его руки, ища раны.

Жун Цзю позволил ему это сделать.

— Я держу слово.

Цзинчжэ надулся.

Не обязательно было приходиться так поздно, скоро ворота запрут!

Если поймают, что тогда?

Видя его недовольство, Жун Цзю ровно сказал:

— Я стражник.

Цзинчжэ нехотя позволил себя обнять и пробормотал:

— Не обманывай меня. Я спрашивал, даже стражникам не везде можно ходить. — Таким, как Жун Цзю, приставленным к императорским покоям, приходиться сюда...

Постойте. Это же Северные покои, захолустье. Стражнику из личной охраны императора здесь, наверное, и вправду можно ходить беспрепятственно.

Цзинчжэ замолчал.

— О чём задумался? — Жун Цзю взял его за подбородок.

Цзинчжэ понял, что Жун Цзю — ревнивец.

Он замечал это по мелочам в их общении.

Когда они были вдвоём, Жун Цзю не терпел, чтобы он отвлекался. Стоило Цзинчжэ задуматься, как его рука тут же оказывалась где-нибудь на нём. В прошлый раз он ущипнул его за живот, и Цзинчжэ от щекотки чуть не расплакался.

Он честно всё рассказал, и Жун Цзю тихо рассмеялся.

Он редко смеялся.

Поэтому, когда это случалось, Цзинчжэ не мог оторвать от него глаз.

Он приподнялся на цыпочки, прижался к груди Жун Цзю и, щурясь в тусклом свете луны, пытался разглядеть его улыбку. Пушистые волосы щекотали шею Жун Цзю. Тот обнял его за талию, словно держал в руках резвого щенка.

От этого хотелось что-то сделать.

Даже у самого холодного и бесстрастного человека губы могут быть мягкими.

Так думал Цзинчжэ.

Изгиб его губ был прекрасен.

Но когда эти губы коснулись его, инстинкты Цзинчжэ завопили об опасности.

Потому что Жун Цзю в этом деле был...

Слишком ненасытен.

Цзинчжэ казалось, что его вот-вот съедят.

Рука на его талии сжалась.

Ему пришлось запрокинуть голову. Влажные звуки поцелуя в ночной тишине были слишком отчётливы.

У Цзинчжэ возникло ощущение, что он занимается чем-то запретным.

...Хотя их отношения и не были особенно праведными.

Но это было уже слишком!

Зубы легонько прикусили его язык, и дыхание Цзинчжэ участилось. Он боялся, что его снова прокусят до крови. Хотя после первого раза Жун Цзю так больше не делал, это всё равно пугало.

— Цзинчжэ, Цзинчжэ...

Должно быть, он отсутствовал слишком долго, и Миньюй вышел его искать. Цзинчжэ изменился в лице и, затрепыхавшись, прошептал:

— Не надо, нас заметят...

Не успел он договорить, как Жун Цзю запечатал его рот поцелуем и увлёк в тень деревьев.

В ночной тьме, без фонаря, даже если кто-то пройдёт мимо, их не заметят, если не присматриваться.

Но это был Миньюй.

Цзинчжэ промычал и забился сильнее.

Неизвестно, что нашло на Жун Цзю, но он отпустил его губы, оттянул воротник и впился зубами в плечо. Горячее дыхание обожгло кожу, и Цзинчжэ, вздрогнув, издал едва слышный стон.

Этот звук испугал его самого. Он зажал рот рукой, боясь издать ещё хоть один звук.

Шорох шагов. Миньюй шёл в их сторону.

Жун Цзю, обнимая Цзинчжэ, уткнулся лицом в его плечо. Его губы медленно поползли к шее. От прикосновения к чувствительной коже талия Цзинчжэ задрожала, ноги подкосились, и если бы не крепкая рука, он бы уже рухнул на землю.

— Цзинчжэ?

Миньюй был озадачен. Куда он пропал?

Северные покои не так уж велики. Он обошёл все места, где мог быть Цзинчжэ, но его нигде не было.

Неужели он вышел?

Не может быть, скоро ворота запирают, это же напрашиваться на неприятности.

Миньюй, зовя его по имени, продолжал поиски.

Завернув за угол, он услышал какой-то шорох под карнизом и посмотрел в сторону тёмных деревьев. Там было так темно, что он, прищурившись, ничего не разглядел.

Но какое-то странное чувство не отпускало его.

Он спустился со ступеней и сделал несколько шагов в их сторону.

Нервы Цзинчжэ натянулись до предела. Он затаил дыхание. На коже выступил холодный пот, и от приближающихся шагов страх только усиливался.

Жун Цзю прикусил сонную артерию Цзинчжэ.

Пульсирующая в венах жизнь от страха забилась ещё быстрее.

Так трогательно.

И так возбуждающе.

Если их застанут в таком виде, сдержанный Цзинчжэ, наверное, разрыдается?

Воспоминание о том, как он в первый раз довёл Цзинчжэ до слёз, до сих пор будоражило Жун Цзю.

Шаг.

Дальше лунный свет не проникал.

Миньюй постоял в нерешительности, ещё раз взгляделся в темноту и, пробормотав, что Цзинчжэ не стал бы там прятаться, повернулся и ушёл.

Только тогда Жун Цзю отстранился.

В непроглядной тьме на шее Цзинчжэ алел глубокий след от укуса.

После крайнего напряжения Цзинчжэ обмяк в его объятиях. Руки и ноги ослабели и похолодели.

Жун Цзю медленно растирал его пальцы, согревая их.

Цзинчжэ, немного придя в себя, пробормотал:

— Жун Цзю, с таким характером... тебя никто не хотел побить?

Он ведь сделал это нарочно.

Если бы Миньюй не боялся темноты, их бы точно застали.

И хотя Миньюй знал об их отношениях, знать — это одно, а быть пойманным с поличным — совсем другое!

— Ты ведь ему очень доверяешь?

— Доверяю, но это... личное дело.

Цзинчжэ оттолкнул Жун Цзю. Его щеки пылали от стыда, хотелось закрыть лицо руками.

— И откуда ты знаешь, что в будущем не случится беды? — пробормотал он. — Нужно быть осторожнее.

— Ты боишься, что он тебя предаст?

В голосе Жун Цзю послышалась едва уловимая злоба, скрытая за маской спокойствия и заботы.

— Не бойся, — всегда говорил он. — Если он тебя предаст, я принесу тебе в дар его голову. Сдеру с него кожу и сделаю для тебя коврик...

Не успел он договорить, как Цзинчжэ, как щенок, бросился на него и заткнул ему рот.

Своими губами.

Жун Цзю был ненасытен. Разве можно отказаться от еды, которая сама идёт в руки?

Когда Цзинчжэ, едва дыша, оторвался от него, он, уткнувшись в его грудь, прошептал:

— Нельзя, не смей... Миньюй — мой друг.

Ему было обидно. Эта неприкрытая злоба была так очевидна.

Почему...

Жун Цзю помолчал, затем провёл пальцами по его щеке, вытирая уголки глаз.

— Вы с ним слишком близки, — холодно и язвительно сказал он.

Его чувства не были горячими. Это был ледяной, удушающий холод, смешанный с уродливой злобой. Не такая чистая и светлая, как у Цзинчжэ, а искажённая, тёмная страсть.

Ревность.

— Но он просто друг... — недоверчиво покачал головой Цзинчжэ.

Друг и возлюбленный, в его понимании, — это совершенно разные вещи.

Он и представить не мог, что холодный и бесстрастный Жун Цзю может... ревновать?

Ревновать к Минъюю?

Иногда Цзинчжэ не понимал его. Но безопасность Минъюя была для него превыше всего. Он долго уговаривал Жун Цзю не трогать его, и в итоге...

Ревнивый мужчина — страшный мужчина. Цзинчжэ убедился в этом на собственном опыте.

В тот вечер он вернулся с распухшими губами.

Если бы не нефритовая бутылочка, которую дал ему Жун Цзю, он бы на следующий день не смог показаться людям.

Проклятье!

Характер Жун Цзю был неисправим.

У Цзинчжэ уже скопилось четыре таких бутылочки.

Каждый раз, открывая шкафчик, он видел, как они стоят в ряд, сверкая в полумраке.

Однажды их увидел Лидун и спросил, из чего они сделаны, но Цзинчжэ не знал и лишь пробормотал, что это подарок друга.

Он в основном работал в Управлении и с Лидуном был не очень близок.

Разобравшись с делом Юнькуя, Цзинчжэ наконец вздохнул с облегчением. А тот, в благодарность, вскоре принёс ему хорошую новость.

После августа Цзинчжэ будет официально переведён в Управление по надзору за дворцовыми залами.

Это была отличная новость.

Здоровье у Юнькуя было крепкое, и, пролежав в постели несколько дней, он быстро поправился и начал вставать. Он больше не сбегал и не тратил деньги, его характер словно изменился, стал более серьёзным.

На смене лета и осени усилия Гуйфэй Хуан Ицзе, казалось, увенчались успехом. Император Цзинъюань наконец навестил её, а затем стал часто заходить во дворец Чжунцуй.

Затихший на несколько месяцев гарем снова ожил.

Хотя кровавая расправа во дворце Чэнхуань была ещё свежа в памяти, они пришли во дворец в погоне за богатством и славой. Если не будет шанса выделиться, зачем было вообще сюда стремиться?

И снова несколько наложниц стали посылать подарки во дворец Цяньмин.

Хотя Нин Хунжу никого не пускал внутрь, подарки доставлялись. И гарем снова зашумел.

В этой суматохе очередная смена слуг во дворце Цяньмин прошла почти незамеченной.

Император Цзинъюань мыл руки.

Но как ни мой, он не мог смыть приторный запах крови.

Он нахмурился. В его тёмных глазах, казалось, утонули все чувства. Бледное лицо было бескровным, но губы — неестественно алыми, словно свежая кровь.

Мало кто мог оценить красоту императора Цзинъюаня.

Даже его собственные родители.

Чем острее была красота, тем сильнее она ранила их. Они искали в нём сходство с собой и приходили в ярость от различий.

— Ваше Величество, всё убрано, — тихо сказал Нин Хунжу.

Кап, кап...

С опущенной руки императора капала кровавая вода.

На полу образовалась лужица.

Пальцы ещё ощущали тепло крови, но отнятие жизни не приносило ни малейшего удовольствия. Это был лишь способ подавить другие, искажённые чувства. Мрачная ярость промелькнула в его взгляде, и на застывшем лице отразилось истерическое раздражение.

Император Цзинъюань сжал губы, сдерживая себя. Даже вытирая руки, он сохранял ледяное спокойствие.

Он бросил платок в таз. Белая ткань, уже испачканная кровью, мгновенно пропиталась ею, став отвратительно грязной.

— Всё ещё недостаточно.

Он словно спрашивал Нин Хунжу, а может, говорил сам с собой.

— Почему?

Нин Хунжу пал ниц. Он не смел говорить, но был обязан:

— ...Возможно, потому, что Ваше Величество очень дорожит Цзинчжэ.

Любовь — естественное чувство, но император Цзинъюань всегда был другим.

Он молча прислушивался к этим новым, странным эмоциям.

Кипящим, незнакомым.

Неутолимым.

Эта жадность, злоба, жажда обладания и насилия... сколько сможет вынести хрупкое тело Цзинчжэ?

Император Цзинъюань задумчиво провёл пальцем по нижней губе. Мимолётная жалость тут же сменилась яростным желанием обладать.

Каждого пятого числа, если бы Цзинчжэ был внимательнее, он бы учуял этот неотступный запах крови.

Слабый, но словно ввевшийся в плоть мужчины.

Только после кровавой бойни его возбуждение немного утихло, позволяя не сломать его.

Как же он ждал.

Цзинчжэ.

Сегодня снова пятнадцатое.

<http://bllate.org/book/16993/1585618>